

Осенью 1906 года на опустевших после шумного, нарядного лета безлюдных дорогах финского поселка Куоккала под Петербургом появилась странная фигура. Высоченный плотный человек шагал, преодолевая канавы, а руки его, тоже немалые, ритмично отмеривали встречные пространства. Молодой человек 24-х лет приехал с женой и маленьким сыном в поисках недорогого дачки.

В Куоккале и своих чудаков хватало, но приезжий вовсе не укладывался в обычные правила: из дома выходит без шляпы, говорит, что с ней жарко, сапог не надевает, и жена его тоже босоногая. Местные дачники решили, что семейка демонстрирует свой стиль. О нем еще долго шли пересуды. Пройдут годы, местные дачники смирятся и познакомятся с петербургским литературным критиком Корнеем Ивановичем Чуковским, примут его в свой круг. Репин даже уговорит купить дачку наискосок от Пенат, да еще и ссудит недостающие деньги. Куоккальская земля благовопит семье Чуковских, подрастает старший сын Коля, весной 1907 года родилась Лида, летом 1910 — младший сын Боба, Борис. А через 10 лет — младшая, Мура.

У отца на втором этаже дачи свой кабинет. Здесь, работая по 12 часов, он будет писать статьи в петербургские газеты и журналы, делать переводы с английского, готовиться к публичным лекциям. Все домашние знали: отец работает, поэтому нельзя повышать голос, скрипеть дверями. Надо ходить, как мышки. С другой стороны, Корней Иванович на всю жизнь принял для себя правило — мне бы хотелось, когда я не работаю, чтобы каждую минуту открывалась дверь, и на пороге оказывался новый человек. Он родился в 1882 году в Петербурге. Мать — Екатерина Осиповна Корнейчукова, украинская крестьянка. Отец — петербургский студент Эммануил Соломонович Левинсон. Новорожденного назвали Николаем Васильевичем Корнейчуковым. Отчество дал, скорее всего, священник. Брак не был зарегистрирован, в свидетельстве о рождении значилось: незаконнорожденный. Отец оставил семью, и мать, лишившись средств к существованию в Петербурге, приняла решение переехать с двумя детьми в Одессу. Переезд не стал простой переменой места жительства для Коли Корнейчукова, он стал для него душевной травмой. В дневнике осталось сокровенное воспоминание о переезде: «Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность. У меня даже имени не было. Одни звали меня в письмах Николаем Емельяновичем, другие — Николаем Эммануиловичем, третьи — Николаем... не знаем, как вас величать...»

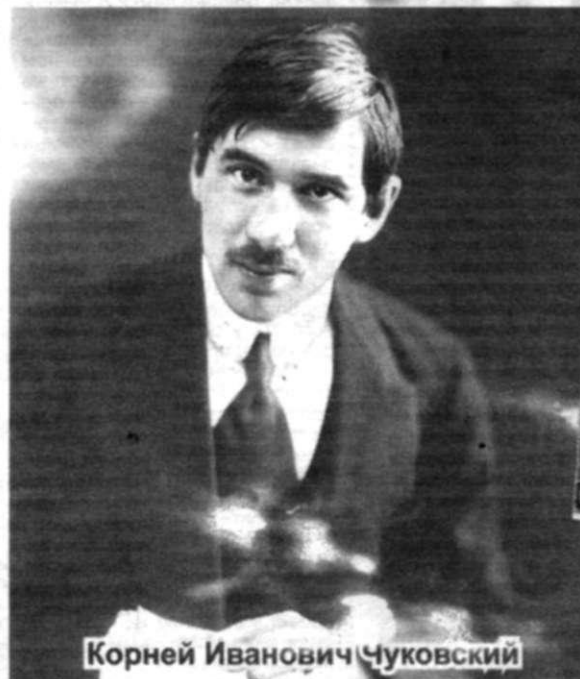
Ждало юношу еще одно испытание — по действующему с 1887 года указу министра просвещения Делянова «О кухаркиных детях», его исключили из 7 класса гимна-

зии. Колина мама, прачка, стиравшая по ночам чужое белье, не могла обеспечить необходимые для занятий удобства, а также присутствие кухарки и горничной. Книжечей, любитель латыни, первый ученик по грамотности оказался на улице. С детских лет одесские соседи пророчили Коле, что без папаши может выйти из него только «босаяк» или «шантрапа». Он и сам чувствовал себя отщепенцем, но решил самостоятельно пройти гимназические предметы и сдать экзамены экстерном. Именно тогда был куплен самоучитель английского языка Олендорфа, с него и началось постижение языка. Правда, в Оксфордской речи в 1962 году он признался: зубрил английские слова, лепя мечту тогдашних неудачников — убежать куда-нибудь в Австралию. Убежать не удалось, как раньше лопнула затея идти в Америку пешком.

Юношу, увлеченного философией, сочинениями Дарвина, Плеханова, Достоевского, Шопенгауэра, Ницше, пробующего себя в поэзии и эссеистике, познакомили с редактором «Одесских новостей» и напечатали первую заметку. Под ней стояла подпись Корней Чуковский. «Я понял, что фамилия эта — Корнейчуков — мужицкая, хохляцкая, я сделал себя Чуковским».

В 1903 году в его жизнь вмешался случай. В «Одесских новостях» искали журналиста, знающего английский язык, для работы корреспондентом в Лондоне. Сказать, что тогда Чуковский владел языком, было бы преувеличением, но объяснить мог, конкурентов в газете не нашлось, и он уехал в Англию. 89 статей на животрепещущие темы, портреты лондонских жителей и эмигрантов, судебные зарисовки, наблюдения митингов в Гайд-парке, заметки о книгах для отдыха, для досуга, для развлечения... Позже эти статьи войдут в его книгу «Нат Пинкертон и современная литература».

Осенью 1904 года он вернулся в Одессу, а через год принял решение переселиться с семьей (у него уже жена и годовалый сын), в родной Петербург. Начал с должности корректора в издательстве Сойкина, пытался издавать сатирический журнал «Сигнал», но был обвинен в «потрясении основ

Корней Иванович Чуковский

государства», попал в тюрьму на Шпалерной улице. Выручил залог, внесенный женой Куприна. Съем квартиры оказался не по карману, Куоккала стала выходом из трудной житейской ситуации.

Вопрос о том, как можно охарактеризовать пребывание Корнея Чуковского в Куоккале, мы задали заместителю заведующего Домом-музеем «Переделино» Павлу Крючкову — человеку, много лет посвятившему изучению творчества и судьбы героя нашей передачи.

Павел Крючков: Я думаю, в Куоккале ему работало хорошо, ведь он долго бегал с дачи на дачу, пока Репин его не остановил и предложил помочь выкупить дачу. И Корней Иванович долго отдавал ему деньги.

Дача выходит в море, она двухэтажная, с некоторым отзвуком английского коттеджа. Поместье с двух сторон отделено от соседней забором, с третьей — берегом ручья, с четвертой — выходом к морю. Оказавшись в 1918 году за границей, дача была разграблена, в 1940 году Корней Иванович, имея полный набор советских благ, пытался отовоевать дачу для сына, но его права на Куоккальский дом не признали. Дом стал обкомовской дачей, никогда не считался чем-то особенно ценным для советской культуры и сгорел дотла в 1987 году.

Жалел ли он, что Куоккала кончилась после 1917 года? Я не думаю, что он всерьез об этом думал. Он жалел о том, что расстался с Репиным.

Все остальное — мифология, которая до сих пор жива.

Всю жизнь этот человек представляется мне галерщик, которого прихвалили к лодке, и ключ выбросили... И он плывет. На шее — четверо детей, сотворчество во всех изданиях, опека стариков — Коно, Репина, Короленко. Нервы, связанные с его критической деятельностью, потому что критик он был острый, злой, фельетонный. Обогнавший далеко свое время. Человек, написавший в 1910 году книгу о явлении массовой культуры, то, в чем мы сейчас сидим по уши. Как это можно охарактеризовать? И в Куоккале, и в Ленинграде, и в Москве, и в Переделино — это всегда было одно и то же: целодневный, целокупный труд. В последнем своем эссе он сказал: «Каждое утро я встаю и веселыми ногами бегу к одному из своих рабочих столов». У него, как у Солженицына, несколько столов было. «Веселыми ногами» — это перефразировано и пасхального канона, который он с детства, разумеется, знал. Человек всю жизнь работал, работал и всё! А остальное — декорации. Более счастливого времени, менее счастливого... Более радостные, живые декорации, менее радостные... Куоккала и Карельский перешеек — это не менее очаровательные места, чем Переделинский пейзаж. Ему в этом смысле везло. В старости, когда он писал (а вставал он в 5 утра), то писал на балконе и смотрел на скворечник, в котором жили белки, взглядывал туда и подыскивал нужную, точную строчку.

Чем Вы объясняете даже не первое место, а гран-при среди детских писателей?

Павел Крючков: У нас нет другого литератора, детского писателя, который сумел бы написать для двухлетних детей восемь больших поэм. У нас есть стихи для трехлетних, для четырехлетних, для пятилетних. У нас нет поэзии для двухлетних, у нас по этой части только Корней Иванович.

Один из секретов его волшебных поэм заключается в найденном им методе перемены ритма. Ребенку ничего дольше 15 секунд почитать нельзя, он очень быстро устанет. Корней Иванович меняет десятки раз стихотворный размер в «Мойдодыре», в «Мухе-цокотухе». Родители, читая, даже не замечают, как они переходят из дактиля в хорей. Кстати, он открыл, что хорей самый лучший размер для мозга двухлетнего дитяти. Вы понимаете, что такое «Муха-цокотуха», если говорить серьезно? Это смесь «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты» для двухлетнего ребенка. В этой сказке на очень большом пространстве, вы вспомните, два события — именины, а в конце свадьба. Посредине ее чуть не убили, и все это в течение одного дня!

Почему он мог так писать для детей? Может, он сам был великим ребенком?

Павел Крючков: Не думаю. У него рано родились дети собственны. Ему было 20 лет, когда родился Коля, потом сразу родилась Лида, Бобочка (Борис), последней — Мура. Он писал «Мойдодыр» и написал на нем: «Мурке, чтобы умывалась, и Дымку — чтобы зубы чистили». Он практически отец, ничего особенного. Детям нечего было читать двухлетним, он им читал Баратынского, Пушкина, Батюшкова, он читал им «Пироскаф». Они не понимали ни одного слова, но восторгались ритмами. Он читал им пушкинского «Делибаша», где голова отрезанная на пике — их это не волновало, их радовали ритмы... А дальше — он написал «Крокодила», и этот «Крокодил» ворвался в русскую литературу, как бомба. Его все знали наизусть — и Блок, и Маяковский. Понимаете?..

Чуковский — поэт Серебряного века, каким-то чудом ставший поэтом народным. Он говорил: «Я взял у детей и должен им вернуть», и вряд ли жил в нем ребенок, в нем жил нормальный мужик, который увлекался всем, чем увлекаются мужчины, которые много работают с утра до ночи.

Может быть, тогда он — великий педагог?

Павел Крючков: Возможно... Но педагогика до сих пор не признала его книгу «От двух до пяти» — все снимают шляпу, но дальше этого не идет. А между тем это великая книга.

Продолжение следует...

ТЕЛЕКАНАЛ «СЕСТРОРЕЦК ТВ»
ПРОГРАММА «НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ»
ВЕДУЩАЯ - АЛЛА ДРУЖИНИНА

РЕПИНО. КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ. Часть вторая.

Высочайшая степень признания и популярности — это когда фамилия не требует ни пояснений, ни даже имени перед ней. Но Корней Иванович Чуковский шагнул даже за эту не так уж часто достигаемую черту. Можно не произносить и фамилии, а просто сказать: «Корней Иванович». И, пожалуй, никто не спросит, о каком Корнее Ивановиче идет речь.

с пьедесталов, а шутят за чайным столом, в кабинете, в редакциях — всюду, где слышится звонкий голос Корнея Ивановича, предлагающего своим собеседникам чистый листок, который он потом вклеит в «Чукоккалу». Это стихи и рисунки, которые никогда не явились бы свету, если бы их не вызвал к жизни Чуковский.

У «Чукоккалы» были неплохие предшественники. Но Корней Иванович не только продолжил традицию. Он превратил альбом в соревнование талантов. И отличительная особенность «Чукоккалы» не только в том, кто писал, но и кому писали. И вот личность самого составителя, его талант литературный и человеческий, его выдающееся положение в литературе XX века в сочетании с этим множеством великолепных имен — авторов и художников, создававших «Чукоккалу», — делают ее уникальной. Это история каждого знакомства, каждой дружбы его. Это и биография времени. Это история жизни литературной! Что же это такое? Альбом? Да, альбом. Или история? Конечно,

эму для детей к первому сборнику. Чуковский вначале очень переживал, что он не сможет написать, поскольку никогда ранее этого не делал. Но помог случай. Возвращаясь в поезде в Петербург с заболевшим сыном, он под стук колес рассказывал ему сказку про крокодила. Ребенок очень внимательно слушал. Прошло несколько дней, Корней Иванович уже забыл о том эпизоде, а сын запомнил все, сказанное тогда отцом, наизусть. Так родилась сказка «Крокодил», опубликованная в 1917 году. С тех пор Чуковский стал любимым детским писателем.

Яркие, необычные образы, четкая рифма, строгий ритм делали его стихотворения быстро запоминающимися. За «Крокодилом» стали появляться все новые и новые стихотворения: «Мойдодыр», «Тараканище», «Муха-цокотуха», «Бармалей», «Федорино горе», «Телефон», «Айболит». А замечательную сказку «Чудо-дерево», написанную в 1924 году, он посвящает своей маленькой дочери Муре, рано умершей от туберкулеза.

Детский писатель, глубокий исследователь детского творчества и детской психологии, тонкий, острый и дальновидный критик, историк русской литературы, неутомимый собиратель рукописного наследия Некрасова, лучший истолкователь его поэзии, его биограф, комментатор, редактор, остроумнейший публицист. Вдохновенный защитник русского языка от всех, кто небрежно в обращении со сло-

Корней Иванович Чуковский

В 1906 году Корней Иванович приезжает в финское местечко Куоккала (ныне Репино), где сводит близкое знакомство с художником Ильей Репиным и писателем Короленько. Именно Чуковский убедил Репина серьезно отнестись к своему писательству и подготовить книгу воспоминаний «Дальнее близкое». В Куоккале Чуковский прожил около 10 лет. Летом 1914 года, живя рядом с Репиным на даче, Корней Иванович завел тетрадь для автографов. Ей было дано шутивное прозвище: от сочетания слов «Чуковский» и «Куоккала» образовано «Чукоккала», это название рукописного юмористического альманаха придумал Илья Ефимович Репин, и Корней Иванович вел этот альманах до последних дней своей жизни.

Кто только не брал в руки «Чукоккалу»! Кто не рисовал в ней, не писал в ней шуток, стихов! Тут великолепнейшие рисунки Ильи Репина, выполненные с помощью чернил и окурка, шаржи, рисованные Владимиром Маяковским, стихи Блока, экспромты и записи Горького, Леонида Андреева, Бунина, Куприна, Алексея Толстого... Тут Римский-Корсаков, Лядов, Шаляпин, Оскар Уайльд, Герберт Уэллс, Конан Дойль. Тут Луначарский, художники Юрий Анненков, Добужинский, Александр Бенуа, Петров-Водкин... Тут вся литература и все ее связи от Кони и Аркадия Аверченко до Дудина - Шкловский, Мейерхольд, Собинов, Зоценко, Маршак, Ахматова, Паустовский, Пастернак, Бабель, Катаев, Михаил Кольцов, Алигер, Щипачев, Каверин, Евгений Шварц, Казакевич... Такого количества выдающихся авторов не имел ни один журнал в мире!

Тут записи вяжутся между собой, одна шутка порождает другую. Поэты и художники соревнуются. Слышны интонации разговора и смех. Великие мастера не смотрят на нас

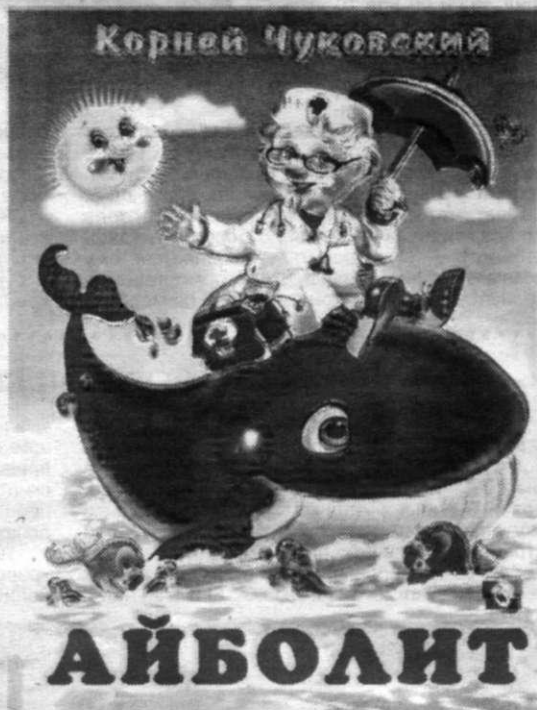
история. История, которая началась здесь, на Карельском перешейке, в небольшом поселке Куоккала, который сейчас все знают, как Репино.

Корней Иванович знаком всем сызмальства по звонким стихам, по его замечательным сказкам, певчим, жизнерадостным, остроумным. Однажды Чуковскому надо было составить альманах «Жар-птица». Это была обыкновенная редакторская работа, но именно она явилась причиной рождения детского писателя. Алексей Максимович Горький решил выпустить сборники детских произведений и попросил Чуковского написать по-

вом, кто лишает нашу речь ее гибкости, силы и красоты. Замечательный переводчик, под пером которого Марк Твен, О'Генри, Уолт Уйтмен, Редьярд Киплинг говорят на таком живом языке, словно всю жизнь писали только по-русски. Почти семь десятилетий работал Корней Иванович в литературе: печататься он начал в 1901 году.

Любовь к Корнею Ивановичу в нашей

стране имеет во многих случаях характер потомственный: современные деды и сами читали его, и завещали эту любовь детям и внукам, передавая по наследству растрепанные, но дорогие их сердцу книжки или стараясь достать те же самые в новых изданиях.

Корней Иванович мог писать о самых трудных вещах, и каждому был понятен. Всегда естествен, доступен и прост. Куда бы он ни пришел — мгновенно завладевал вниманием каждого и каждой аудитории. Вся жизнь его прошла в людском окружении. Где Корней

Корней Иванович Чуковский

Иванович — там люди, там хорошо, талантливо, там доброжелательная атмосфера, умные и острые шутки.

Продолжение следует...